

Неоэкономика: предметная определенность и теоретические контуры

Термин «новая экономика» появился в 90-е годы XX в. в США. И хотя следует отметить его неоднозначность трактовки, все же он широко проник как в деловую практику, так и в научную литературу. Высказанные ранее мифы о будущем обществе, сформулированные в последующем В. И. Вернадским в гипотезу о ноосфере, в настоящее время приобретают реальные контуры и очертания. Информационная революция, завершая технико-экономический цикл развития революции промышленной, в свою очередь положила начала принципиальным структурным изменениям во всех сферах и областях деятельности человека включая и сознание последнего. Эти изменения, безусловно, нуждаются в дальнейшем осмыслении и практическом использовании, на чем основывается вся история.

Понятие неоэкономики

Сам термин «*неоэкономика*» («новая экономика»), как показывает анализ литературы, трактуется двояко. Во-первых, он употребляется как синоним постиндустриальной, постэкономической ступени развития, в которой органически переплетаются традиционный сектор экономики с новыми элементами, придавая всей системе принципиально иное качество. Во-вторых, в узком смысле слова – это характеристика тех новых изменений, которые возникают в современной экономике.

Если воспользоваться схемой С.Ю.Глазьева, то структура экономики индустриального типа может быть представлена 1-3 технологическими указами¹. Основной общественной формой организации и развития для этого этапа выступает производительный капитал, а нормой, параметром регулирования является средняя норма прибыли предприятий машиностроительной отрасли и нефтехимии. Формирование новой экономики соответственно связано с 4 и 5 технологическими укладами. Это прежде всего производство и использование робототехники, электроники, развитие средств и отношений телекоммуникаций, использование достижений тонкой химии и биотехнологии, космических технологий.

Новая экономика, таким образом, обусловлена прежде всего новым технологическим прыжком пятого цикла, о чем свидетельствует следующая таблица 1.

Из таблицы следует, что современная экономика усложнилась, изменив свою структуру под влиянием и воздействием тех аспектов, которые свойственны прежде всего новой экономике. Свойственные для нее проявления стали доминирующими как в общей стратегии развития, так и в традиционных отраслях и отношениях. Как влияние, например, электричества проникло во все

¹ Глазьев С.Ю. Экономическая теория технического развития. М., 1990

Таблица 1.

Технологические прыжки и циклы

Циклы	1 цикл	2 цикл	3 цикл	4 цикл	5 цикл
Начало цикла (год)	1780	1845	1890	1945	1990
1. Применение	Паровая машина	Поезда	Освещение кино, моторы	Автомобиль, телефон, телевизор, компьютер	Software, мультимедиа, экономика услуг
2. Технология и сырье	Пар	Сталь, уголь	Электричество, химия, нефть	Электроника, ядерная технология	Информационные технологии, биогенная техника
3. Сети	Торговые сети	Сети транспорта	Энергосети	Коммуникационные сети	Глобальные сети, знания

Источник: Deutschland. 2001. № 2. С. 43.

производства в конце 19 в., так и научно-информационная составляющая, дополненная компьютерными технологиями, стала ведущей в конце 20в. – начале 21 столетия.

Неоэкономика и онтологические изменения

В связи с этим новым технологическим прыжком произошли принципиальные изменения во всех сферах, с которыми надо считаться людям-практикам, ученым, политикам. Во-первых, информация стала самостоятельным ресурсом, имеющим специфическую ценность и весьма отличительный от традиционных отраслей производственный процесс, форму его организации и управления. Доля информационного сектора¹ за последние 15 леткратно выросла и составляет в развитых странах 45-65% [Мельянцев В. Информационная революция – феномен «новой экономики» // МЭиМО. 2001. № 2. С.7 (3-10)]. Воспроизводимость – безграничность – временная определенность – три признака, которые принципиально отличают информационной ресурс от других ресурсов, что вносит существенные изменения в систему отношений, ценовое измерение и др.

Во-вторых, информация и весь информационный сектор является самым мощным источником, генерирующим современное социально-экономическое развитие, динамику и рост. Например, к 2000 г. в известных странах, имеющих характеристику индустриально развитых, информационный фактор составил 50-75% добавочной стоимости. [Цвылев Р. Метаморфоза индустриальной экономики: проблема экономических изменений // МЭиМО. 2001. № 2. С.11 (11-19)]. Аналитики подсчитали величину ВВП, произведенного

¹ Актуальными сегодня является исследования по инвентаризации отраслей на современные, полу традиционные и традиционные, исходя из их роли в технико-экономическом и социальном развитии.

американскими работниками, имеющими образовательный ценз в 10,5, 12,5 и 14 лет. Оказалось, что именно третья группа дает свыше половины ВВП. Подобные исследования проводились и в России. Люди с высшим образованием, составляющие 25% работающих, производили 56% стоимости нац. дохода¹. [Марцинкевич В.И. Человеческий фактор и эффективность экономики. М., 1991. С.173-174]. Т. Эггертссон отмечает, что если предположить страну j , а y^1 -душевой доход этой страны, то при мировом запасе знаний W^1 этот доход страны есть функция от используемого страной всего мирового запаса знаний: $y^1_j=f(w^1)$ [Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001. С.9].

Следовательно, от степени и активности комплексной разработки научно-информационных и отраслей, обеспечивающих воспроизводство «человеческого капитала», в конечном итоге зависят макроэкономические показатели текущего благополучия. но и динамики развития как в «старом», традиционном, так и в «новом» измерении.²

В-третьих, наметилось изменение в механизме и траектории экономического прогресса. Внедрение информационных технологий, не разрушая традиционных укладов, все же в целом создают новое качество взаимодействия техники и технологий, экономических отношений и форм, институциональных и социальных связей. В результате срабатывает синергетический эффект (кумулятивный по Т. Веблену, «созидательного разрушения» и по Й.Шумпетеру), макрогенераций³, где на гребне волны возвышения совпадают амплитуды различных циклов: технико-технологического, ресурсно-энергетического, капитального, финансового, социально-экономического и информационного [Меньшиков С. М., Клименко А. О., Длинные волны в экономике. М.: Межд.отн., 1989 (270 с.); Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М., 1999; Герловин И. Л. Основы единой теории всех взаимодействий в веществе. Л., 1990; Дятлов С. А. Предмет и метод информационной экономики. – В кн. Экономическая теория на пороге XXI века. М.,1998. Т.2. С. 497-519]. И хотя влияние законов информации на всю совокупность порядков и отношений еще ждут своих специальных исследований, все же уже сегодня накопленные данные позволяют заключить, что из всей совокупности циклов информационный является доминирующим.

Информационный цикл отражает прежде всего способ мышления, а также способ работы с информацией: ее сбором, обработкой, производством,

¹ Чтобы определить стратегические приоритеты развития в РБ, известны сегодня как жилье, продовольствие, экспорт, также необходимо проанализировать долю каждой отрасли и сектора в ВВП, структуре национального богатства, общей экономической структуре. Думается, приоритеты после этого получатся совершенно иными.

² Развитие «новой экономики» внесло необходимость поиска новых агрегированных показателей, способных отражать не только стоимостные результаты экономической деятельности, но и накопленный потенциал хозяйства, не попадающий в рыночную систему оценок, но имеющих общественную значимость, характеризующих возможности и условия развития и роста. См., например, Karunarathe N.D. Analytics of Information and empiric oх the lufor – Economy // The Information Society. v.u. N 4.

³ О влиянии макрогенераций на эволюционный процесс см.: Маевский В.В. Эволюционная макроэкономика и неравновесные процессы. – В кн. Эволюционная экономика и «мэйнстрим». М., 2000. С.15-30.

накоплением, обновлением, защитой, передачей, обменом и использованием целесообразной информации. По мнению Д. Норта и Р. Фогеля, именно способы мышления и сбора информации являются главными в объяснении экономической истории государств.

Временные рамки информационного цикла выходят за пределы долгосрочного кондратьевского периода, а траектория его имеет дискретный характер, фиксирующая переход на качественно новую научную и образовательную парадигму. Сейчас мы являемся свидетелями настойчивого поиска и внедрения как у нас, так и за рубежом новых, более эффективных методик и образовательных технологий, отражающих происходящие научные, практические, информационные и психологические изменения людей.

В-четвертых, и это вытекает из предыдущих положений, изменяется структура и форма общественного богатства. Натурально-имущественная и стоимостная формы уходят как бы в основание общей структуры создаваемого (и произведенного) богатства, вершину которого замыкает богатство информационное. Последнее имеет крайне специфическую потребительную ценность. «Стоимость, созданная знанием, по своему характеру требует в высшей степени субъективированного общества, иначе она не сможет получить должного признания», - пишет Т.Сакайя. [Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. М., 1999. С. 352]. Примером здесь может быть цена галстука или косметики известной фирмы, кратно превосходящую цену на аналогичную продукцию менее известной фирмы. И покупатель платит не за дополнительные граммы или площади изделия, а за те особенности потребительной стоимости, технологическое своеобразие, которое придало в конечном итоге общественное признание марки этой фирмы ее популярность.

Если предположить, что экономическая деятельность – это прежде всего деятельность информационная, то категория информации выступает универсальной атрибутивной характеристикой всех объективно-субъективных хозяйственных отношений. Информация, т.о., есть субстанция современной экономики в отличие, например, от стоимости, которая несла в себе отпечаток общественного труда во времена представителей классической политэкономии.

В настоящее время заслуживает поддержки и развития мысль о том, что «инструменты и машины, будучи овеществленным трудом, суть в то же время овеществленная информация. Эта идея справедлива по отношению к капиталу, земле и любому другому фактору экономики, в котором овеществлен труд. Нет ни одного способа производительного приложения труда, который в то же самое время не был бы приложением информации. [Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 398] Но информация как, например, деньги, акции, права собственности и пр. может существовать и существует как самостоятельный ресурс, о чем уже отмечалось. В ней находят

отражение понятия «экономического времени», о чем когда-то говорили Й. Шумпетер и Н. Кондратьев.

В-пятых, на базе бурного развития электроники, кибернетики, космических спутников связи, программного обеспечения информационная революция осуществила переворот в средствах телекоммуникации, завершив формирование глобального общества со всеми его признаками и характеристиками, которые еще только активно обсуждаются. Действительно, благодаря, например, транспортной инфраструктуре, внедрение новых поколений авиационного, автомобильного, водного и железнодорожного транспорта, а также быстрому наращиванию сети международных трубопроводов сократилось экономическое пространство и спрессовалось время, сблизив тем самым расстояние между странами, фирмами, людьми. Перевозки грузов и пассажиров значительно ускорились и стали дешевле. Например, средняя стоимость человеко-мили воздушных перевозок в 1930 г. составляла по курсу 1990 г. в 1950 г. 30, а в 1990 г. – 11 центов. За последние шесть десятков лет более чем в 6 раз подешевели авиаперевозки. Реальная стоимость морских грузоперевозок с 1920 по 1980 гг. упала почти на 75 % при том, что общий тоннаж мирового торгового флота с 1950 по 1999 гг. возрос в 6,4 раз, а объем перевезенных грузов – в 10 раз.

Всемирная паутина Интернет к 2001 году охватила более 300 млн. пользователей, если еще только в 1991 г. их было всего лишь 5 млн., а в 1996 г. – 60 млн. [МЭиМО. 2001. № 8. С. 17 (17-21)]. Через каждые 100 дней информационный объем удваивается, а ежегодный рост составляет 7,3 раза.

В результате этого возникла принципиально новая ситуация. Прежде всего резко возросла мобильность капиталов и изменились смысл и формы организации производства, в отдельных видах которого расстояние не имеет решающего значения. Виртуальность экономических процессов приобретает устойчивую характеристику. Можно, например, получать образование, находясь вдали от учебных заведений и центров, что повышает качество человеческого капитала со всеми вытекающими отсюда последствиями. Заключать контракты также можно преодолевая расстояния, что меняет понятие экономического субъекта.

В-шестых, произошел не только количественный, но и качественный скачок в развитии транснациональных корпораций (ТНК). Прежде всего сами ТНК приобрели свою идейно-концептуальную завершенность. Понятие периферии и центра благодаря информационным сетям потеряло свое первостепенное значение и смысл. Это изменило структуру, направления и объем инвестиций, а последние, как известно, являются решающим фактором социально-экономического развития. Особенно в долгосрочной перспективе.

С середины 80-х годов индекс роста прямых зарубежных инвестиций значительно опережал аналогичный индекс валовых внутренних вложений и к концу 2000 г. превышение составило более, чем семикратный уровень. Отношение зарубежных активов к мировому продукту возросло с 4,9 % в 1945

г. до 56,8 % в 1995 г. В итоге значительно расширился диапазон возможностей удовлетворения предпочтений потребителя. Электронная форма торговли и расчетов эти возможности превращает в действительность, ускоряя и увеличивая объем транзакционных сделок, а вместе с ними и величину транзакционных издержек. Правда, распределение выгод от внедрения электронных транзакций и фактических транзакционных издержек осуществляется непропорционально из-за отсутствия опыта в подобного рода мероприятиях. глобальной

Однако с точки зрения важно отметить рост степени влияния ТНК и ТНБ (транснациональных банков) на все политико-экономические процессы. Они контролируют сегодня до 1/2 мирового промышленного производства, 2/3 международной торговли, около 4/5 мирового банка открытий, патентов, лицензий и технологий [Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 8. С. 18 (17-21)]. Вследствие этого экономики стран как экспортирующих, так и принимающих капиталы сами становятся все более транснациональными и зависимы от возникших наднациональных рынков и международных институтов. Сегодня международные институты являются главными законодателями (техническими, программными, инновационными), регуляторами и основными пользователями первичного продукта информационной деятельности. В последующем происходит дальнейшее распределение информационного продукта, законы которого никак не отвечают известным экономической теории законам распределения совокупного общественного продукта.

В-седьмых, существенно исходя из ограниченности суверенитета страны меняется содержание национальной политики, ее формы, структура, реализация стратегических и тактических целей. Центр, тяжесть конкуренции из сферы экономической влиявшей на национальную политику, переносится уже в политическую сферу, что диктует в свою очередь правила конкурентной борьбы в области экономической¹. Глобальная политика определяет необходимость увеличения открытости экономик, которая возросла с 16% в 1950 г. до 37% в 2000 г. [МЭиМО. 2001. № 8.С.19 (17-21)].

И в этом проявляется один из множества парадоксов, которые сопровождают «новую экономику». Суть его заключается в том, что увеличение открытости экономики какой-либо страны не только подрывает ее национальный суверенитет со всеми составляющими, но и создает условия для извлечения глобальной ренты ТНК и ТНБ. Этим закрепляется экономическое, политическое и социальное неравенство страны. Но с другой стороны государство, создающее жесткие границы также лишается возможности

¹ Об изменении стратегии конкурентной политики на разных стадиях развития государства обоснованно и глубоко писал М. Портер в книге: Портер М. Международная конкуренция. М., 1993. В отечественной же литературе, к сожалению, о конкуренции говорится безотносительно проявления ее различных форм на конкретно-исторических этапах развития. Это тот же «черный ящик», которым была конкуренция и фирма в западной литературе в начале XX века.

извлечь выгоду от торговли, инвестиций, внедрения инноваций. Но уже очевидно, что современные слаборазвитые государства сами не сумеют преодолеть установленные для него различными способами пределы для своего развития, потому что за последние десятилетия разрыв между странами не только сократился, как прогнозировали, а значительно увеличился.

Кроме того, что за последние полстолетия экономическое неравенство между странами и людьми резко увеличилось, возникла новая форма эксплуатации и неравенства – информационная, т.е. разноступенчатость стран и людей к достоверной (!) и научной (!) информации. С одной стороны, разные страны имеют существенно различную материально-программную подготовку и условия для участия в деятельности мировой информационной сети. А с другой – глобальную ренту можно получить лишь манипулируя сознанием и поведением всего активного человечества на информационном поле. Это то новое «экономическое поле», которое уже освоено небольшой частью интеллектуальной, финансовой и политической элиты, не имеющей национальной принадлежности, но имеющей доминирующее влияние в мире.

Возникли, если использовать привычную терминологию, новый класс, сообщество, социальные группы и целые нации, которые умело используют всеми преимуществами нового информационного ресурса, распоряжаясь богатством, которое они не присвоили в ходе привычной эксплуатации, а скорее сами создали (познали, освоили) своей творческой деятельностью, не отняли силой в военных действиях, а придали ему социальную ценность и обрели соблюдая известные рыночные правила.

Парадоксально то, что рыночная система, функционирующая на принципах либеральных и демократических ценностей, осваивая в процессе развития новые ресурсы, технологии и формы отношений, создали экономическое пространство, утверждающее свою противоположность поведения – неравенство, информационно-финансово-политический тоталитаризм, автократию. Этика, которую в свое время преподавал А. Смит и нашедший эффективные и справедливые для своего времени экономические принципы реализации морально-нравственных идеалов, сегодня еще не освоила всей остроты возникшего нового противоречия и признает пока такую ситуацию нормальной. Но острые события последних лет все же заставляют более основательно задуматься о последствиях «расколотой цивилизации» [Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999; Туроу Л. Будущее капитализма. М., 1999; Иноземцев В. Л. Расколотая цивилизация. М., 1999; Экономическая теория на пороге XXI века - 5: Неоэкономика / Под ред. Ю. М. Осипова, В. Т. Белолипецкого, Е. С. Зотовой. М., 2001].

Новой экономике – новое теоретическое мышление

Эволюция товарно-денежных операций породила меркантилизм, физиократы объясняли и анализировали сельское хозяйство, эпоха промышленного капитала выступала объектом исследования классической политэкономии. Неоклассицизм отвечал духу времени, влияние силы

монополий, воздействующих через цену на социально-психологическое поведение. Логическим продолжением является поиск новой теории для «новой экономики». Некоторые аспекты аналитического восприятия новых тенденций в связи с информационно-компьютерной революцией отражены выше. Здесь зафиксируем лишь отдельные наиболее важные, на наш взгляд, чисто теоретические проблемы влияния расширения хозяйственной деятельности за привычные рамки производственно-материальной деятельности, существенно изменившие всю систему отношений, но до сих пор остающихся под углом зрения оценки «традиционной» неоклассической теорией.

Прежде всего теория новой экономки должна строиться на методологическом подходе, принимающем во внимание два принципиально иных по сравнению с предшествующим гносеологическим достижением компонента. Первый – признание в познавательном объекте активного сознательного начала, уже владеющего в какой-то степени информацией и располагающего комплексом психологических свойств, адекватных современному экономическому социуму, позволяющих последнему реагировать на изменяющуюся в том числе и конкурентную среду¹. Второй аспект теории относится к тому, что экономисты игнорировали до самого последнего времени, – это признание в людях свойств и целей, выходящих за узкие утилитарные пределы, которыми традиционно экономисты ограничивают свои аналитические конструкции, и включение активных рефлексивных моделей сначала в познавательную деятельность, а потом и в управленческие решения. Информационные технологии делают не только предметом труда, но и экономической науки сознание человека, проявляющееся в различных общественных формах [Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. М., 1998. С. 169 - 294]. Еще ранее экспериментально доказано, что тонкие материи, заметившие себя в исследовательском фокусе, значительно меняют свои свойства. Это означает необходимость пересмотра аксиом. Человек же принимающий себя как игрок в массе игроков и понимающий правила игры, вероятнее всего будет выбирать для себя варианты поведения, в которых учтет себя и как наблюдаемого среднестатистического индивида, и выполнит определенные функции наблюдателя, после чего попытается выйти за пределы возможно новой предполагаемой кем-то (может быть и государством, организаторами локального рынка и пр.) очередной «ловушки». Надо отметить, что возможных аналитических вариантов, а следовательно, и

¹ Просто знание и знание о знании существенным образом меняет предположение о том, как будут вести себя экономические агенты: потребители, производители, политики, законодатели. Сегодня мы наблюдаем «экономический спектакль» по той теории сценического искусства, которая существовала ранее и по которой поставил спектакль режиссер. Этот «спектакль» хотя приносит доходы, уже больше не привлекает «зрителей». То есть критикуется как современная практика, так и существующая теория.

Но как он возникла современная ситуация и кто ее «режиссеры» -это остается пока существенным вопросом, поскольку экономистами элемент когнитивно-информационного влияния на теорию, а последней и на практику пока не учитывается. Правда, анализ приобретает несколько иной смысл, если это хоть как-то имплантировать в теорию. Например, некоторый учет обстоятельств разнородности олигополистического поведения позволяют выделять стратегии поведения Курно, Бертрана или Штакельберга.

вариантов поведения в зависимости от степени достоверности циркулируемой информации может быть целое множество, в котором иногда теряется даже тот, кто запускает ложную или ограниченно правдивую информацию. И для этого есть основание, поскольку впитав определенного качества информацию, люди будут руководствоваться именно последней даже если она не будет отвечать реальным условиям и практике. И такой факт надо будет признать уже объективным фактом и считаться с ним как с реальностью. Такая и другие аналогичные ситуации, которых может быть множество, еще далеко не изучена, по крайней мере экономической теорией. Однако фактом остается огромное влияние пиаровских технологий на сознание в целом и его составные части, включающие, например, экономическое, политическое и другие уровни и формы сознания. Естественно, это формируемое (целенаправленно или стихийно) политико-экономическое сознание можно и необходимо учитывать определяя при этом вероятность выбора потребителем, группой потребителей, например, фанты или принятия очередного политического решения, в котором всегда присутствуют чьи-то предпочтения в проведении определенной экономической политики.

Новую теорию нельзя придумать. Можно, отразив вначале ее начальные, а потом и общие положения, которые так или иначе уже высказывались в оценке новых тенденций реальных процессов, прописать их непротиворечивой концепцией обобщив лишь в последующем целостной теорией. Сейчас в части создания «новой теории информационной экономики» можно наблюдать лишь этап генерации гипотез и выдвижения отдельных положений, отражающих изменения и влияния экономики информации. Выскажем некоторые из них.

Итак, информация из разряда косвенных признаков, принимаемых во внимание экономическими агентами, становится основным ресурсом, услугой и продуктом. Впервые проблема информации как всеобщего товара была затронута в статье А. Харта¹. Более тридцати лет тому назад он доказал, что невозможно преодолеть производственный цикл без притока новой информации. Впоследствии концепция стоимости информации получила развитие в статистических исследованиях, некоторых инженерных науках, в науке управления. Что касается экономической теории, то включение информации в область анализа дало основание Дж. Хиксу, П. Самуэльсону, Дж. Дебре и другим современным экономистам в последующем² несколько иначе посмотреть на теорию общего экономического равновесия. В этой теории единственным фактором, определяющим поведение индивидов является цена, которая выполняет главную информационную функцию. Кроме этого неоклассическая теория в своем анализе исходила из аксиомы равного и

¹ Hart A. Risk, Uncertainty and Unprofitability of Compounding Profitabilities. In: Studies in Mathematical Economics and Econometrics. Chicago, University of Chicago Press, 1942.

² Дж. Акерлоф, Дж. Стиглиц и М. Спенс получают в 2001 году Нобелевскую премию за разработку идей теории рынка несовершенной информации. Это свидетельствует о важности этого теоретического направления и необходимости его дальнейшей разработки.

полного доступа к информации всех субъектов хозяйствования, что далеко от реальности.

Но как показывает более глубокий анализ, на принятие решения оказывает влияние и неценовые переменные или, иначе говоря, сигналы о множестве различных других обстоятельствах. Из этого вытекает, что представленная «традиционной» неоклассической теорией ситуация конкурентного равновесия есть также идеальный частный случай.

Информация – это не только экономическая категория, как утверждает К. Эрроу¹. Она своим содержанием выходит далеко за «экономическое поле». Однако в современной экономике информация действительно приобрела устойчивый и экономический статус и, соответственно, характеристики. Прежде всего это товар, обладающий стоимостью и потребительной стоимостью. Специфичность как стоимости, так и потребительной стоимости информации придает в целом специфичность и всему товару, который имеет свойство неделимости и временного периода существования. Последнее обстоятельство можно проиллюстрировать, например, размером высокой цены на суперпопулярный галстук известной фирмы, которая после прохождения пика моды уже не может стабилизироваться так же, как на зерно после урожайного (неурожайного) года. И никто не будет скупать эти галстуки по дешевой цене в надежде в последующем продать их по цене более высокой. Это является следствием того, что исчезает общественная полезность, которая лишает основу цены на повышение.

Информационная деятельность и соответственно услуги выходят за пределы того, что называют информационным рынком. И рыночный и просто обмен информацией не попадают в прописанную классиками/неоклассическими теорию обмена. Информация как исходный ресурс социализированного общества и как конечный его продукт, сфера жизнедеятельности является прежде всего общественным благом. Это своего рода и институт, который обеспечивает нормальное демократическое существование и функционирование современного общества. Уже не распределение материального продукта выступает основным критерием нарушения прав человека или же проявлением монополизации локальных рынков. Как и государство, так и монополии обязуются под общественным контролем (если это получается) предоставлять необходимую информацию не только «для служебного пользования», но и для социально-политической и экономической регламентации. Парадоксально то, что на современный рынок в связи с развитием информационной сферы все большее влияние приобретают нравственные ценности и сами организационные механизмы. В частности, контроль за качеством продукции должны осуществлять нерыночные институты, поскольку, как пишет К. Эрроу, «индивиды на рынке преследуют личную выгоду, что нередко приводит к сокрытию истинного положения дел»

¹ Эрроу К. Информация и экономическое поведение // Вопросы экономики. 1995. № 5. С. 98 – 107.

[Эрроу К. Информация и экономическое поведение // Вопросы экономики. 1995. № 5. С. 107].

Информационный обмен не вписывается в закон стоимости, а также спроса и предложения, поскольку участники трансакций не отражают уровень эквивалентных отношений. К тому же механизм ценообразования на продукцию информационной деятельности влияет на покупателей и продавцов так, что равновесие между спросом и предложением приобретает несколько условный характер. Дело в том, что в оценке капитальных активов, которые играют первостепенное значение в формировании цен на продукцию, осуществляется переход к оценке нематериальных активов интеллектуальной собственности как в настоящем, так и в будущем.

Известное правило неоклассиков о равенстве предельных издержек и предельного дохода также не отражает меновых пропорций. Оценка предельных издержек и предельной выгоды в части информационной деятельности не имеет кроме всего прочего устойчивых критериев. Иначе говоря, информационный обмен всегда сопровождает асимметричность операций и отношений. Во-первых, «заказчик» и производитель информации закладывают далеко не одинаковые критерии в оценку производимого информационного продукта. Во-вторых, этот же заказчик, авансируя производство какого-то научно-информационного продукта, рискует и не получить ожидаемый продукт, контуры которого, кстати сказать, достаточно размыты как по потребительским качествам, так и по обоснованию необходимого объема финансирования. В-третьих, информация обладает свойством целостности, когда ее необходимо полностью представить покупателю для оценки, чтобы можно было принять решение об оплате. Однако полученная информация уже может не оплачиваться по причине того, что она уже получена на этапе знакомства с нею. В-четвертых, продавец информации, получив деньги за информационную услугу, не лишается последней полностью как это бывает с материальным товаром. Он может и дальше продавать информацию, делая расходы только для тиражирования. В-пятых, информационный продукт очень сложно оценить по потребительским качествам без квалифицированных экспертов, которых широко привлекают для этого, но которые также подвластны разного рода житейским влияниям. Кстати сказать, консалтинговый и инжиниринговый бизнес это есть не что иное как практическое проявление деятельности экспертов на рынке информационных услуг. В этом бизнесе покупатель и продавец участвуют вместе в создании благ.

Вышесказанное позволяет заключить и то, что информационный рынок имеет тенденцию к монополизации, а следовательно, к экономической и политической дискриминации. Например, если все фермеры знают прогноз погоды и виды на будущий урожай, то они не будут платить за эту информацию. Однако неоплаченная информация подорвет стимулы для ее воспроизводства в будущем. К тому же фермеры в свои решения могут лишь

как-то закладывать информацию о всех лицах, которые ей располагают и о том, как будут поступать будущие конкуренты, располагая какими-то сведениями. Продолжение этой логики приведет к тому, о чем когда-то высказался Ф. Хайек, который конкуренцию определил как процедуру открытия. Речь идет о том, что накопление информации может вестись как бизнесом, так и правительством для снижения неопределенности, которая в последующем помогает преодолеть конкурентную ситуацию.

Перед выборами на политическом рынке избирателям достаточно сложно, если не сказать что это вообще возможно при современных политехнологиях, оценить достоверность той или иной информации о кандидате и принять решение своим скромным голосом, подтверждая как бы свое участие в демократической процедуре выборов.

В информационной экономике нарушается еще один известный экономический закон – это закон убывающей доходности, сформулированный в восемнадцатом веке Т. Мальтусом и Д. Рикардо. Как гласит теория, каждое последующее вложение капитала из-за ограниченности ресурсов и под влиянием конкуренции снижает свою отдачу. Высокоприбыльная отрасль притягивает конкурентов, в результате чего начинают расти издержки, снижаться цены, а следовательно, и доходы. В результате ситуация на рынке стабилизируется. Но это наблюдается лишь в «традиционных отраслях», т. е. таких как сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность и частично промышленность перерабатывающая. Об этом еще заметил в конце 50-х годов К. Кларк в своей «трехсекторной» экономической модели.

В информационной экономике велики первоначальные затраты на производство готовой продукции. И поэтому почти всегда цены на новые товары в несколько раз превышают их действительный полезный эффект. С точки зрения окупаемости это вполне объяснимо. Более того, заложенная доля рентабельности даже первыми экземплярами удовлетворяет коммерческий интерес инвестора. Однако в последующем происходит типичное тиражирование продукции, где затратами могут быть лишь то, что необходимо для копирования. Изменяется структура себестоимости, в которой первоначальные затраты на открытие стремятся к нулю. И даже кратко сниженная цена, таким образом, обеспечивает высокую рентабельность производимой продукции или информационной услуги. И получается, что чем больший объем производства (тираж), тем больше получаемый доход.

Фирма, создающая наукоемкую продукцию получает также дополнительные источники доходов за счет внешнего эффекта от распространения продукта. Например, широкое распространение программы Windows потребовала дополнительных программных приложений, которые уже распространялись на платной основе. Активное влияние внешнего эффекта от распространения ощущается и в отраслях промышленности, эксплуатирующих средства связи, ибо там вырабатываются нормы, делающие коммуникацию возможной.

